

Он говорил, говорил и даже утер пару слёз, словно видел перед собой будущее, где вся его большая семья будет нищенствовать на улицах.

— Брат, с тех пор как наш покойный отец основал это дело, никто никогда не осмеливался даже заикнуться о разделе семьи. Мы с третьим братом только хотим лучшего для семьи Гу. Если Шаобай так говорит, люди могут подумать, что я не уважаю твоё положение главы семьи и хочу поставить тебя в неловкое положение!

Гу Кансюань поддержал:

— Брат, второй брат прав. Мы с ним хотим только процветания семьи Гу, у нас нет других намерений. В семейном уставе сказано: «Отец и сын должны быть едины, братья должны жить в гармонии. Добродетель приходит через накопление добрых дел, и мудрые слова должны быть вознаграждены».

Он посмотрел на Гу Шаобая с болью в сердце:

— Шаобай, как ты можешь так говорить, ставя под сомнение честь твоего второго и третьего дядей?

У Гу Кансюаня не было сыновей, только три дочери, которые ещё не вышли замуж. Он знал, что дочери рано или поздно покинут дом, и на них нельзя будет положиться. Поэтому он предпочёл копить личные сбережения, чтобы в старости наслаждаться жизнью с наложницами. Однако эта «мечта» тоже требовала денег. Хотя он и Гу Цзинсюань имели разные взгляды, их цели были одинаковыми.

Слова Гу Шаобая о разделе семьи ударили по ним, как нож в сердце. Это было равносильно смерти.

Их жалобы довели Гу Цзюньсюаня до отчаяния. Хотя он не одобрял жадность своих братьев, он понимал, что Гу Шаобай, не посоветовавшись с ним, бросил в огонь горящую спичку. Теперь он мог только смотреть, как она взрывается.

Гу Шаобай, произнеся эти слова, сразу же пожалел. Однако, сказанное нельзя было забрать обратно.

Он посмотрел на отца, который сидел с нахмуренным лицом, его морщины казались глубокими, как пропасти. Гу Шаобай понял, что его импульсивность только усугубила ситуацию. Двое его дядей продолжали говорить, их рты открывались и закрывались, как у золотых рыбок.

В конце концов, он подошёл к центру зала и опустился на колени.

Этот жест наконец заставил их замолчать.

Он слегка опустил голову и чётко произнёс:

— Шаобай был опрометчив, прошу прощения у дядей.

Гу Цзюньсюань, хотя и был недоволен необдуманностью сына, всё же смягчился, видя его искренность.

— Шаобай признал свою ошибку, братья, успокойтесь.

Гу Цзинсюань, всё ещё в гневе, сказал:

— Этот мальчишка не знает меры. Без наказания он не поймёт своей ошибки. Пусть проведёт на коленях два часа, чтобы подумать о своём поведении.

Гу Шаобай стиснул губы, чувствуя несправедливость. Наказание должно было исходить от главы семьи, а не от дяди. Он хотел возразить, но услышал лёгкий кашель отца и замолчал, сжимая кулаки в рукавах.

Наконец, Гу Цзюньсюань сказал:

— Хорошо, пусть будет так, как сказал второй брат.

— Молодой господин, молодой господин, — кто-то тихо тронул Гу Шаобая за плечо.

— М-м? — Гу Шаобай поднял сонные глаза.

Миньюэ сидел рядом с ним на полу, держа в руках корзинку, накрытую белой тканью.

— Третий молодой господин, ты даже на коленях умудрился уснуть.

Гу Шаобай недовольно посмотрел на него.

— Я не уснул, я просто упал в обморок от голода.

Он принялся.

— Ты что, съел мой пирог с боярышником?

Миньюэ подумал: «У тебя что, собачий нюх? Я съел его вчера вечером, а ты до сих пор чувствуешь запах?»

Он не стал спорить и открыл корзинку, улыбаясь.

— Молодой господин, я принёс тебе твоё любимое блюдо, «цыплёнка саньхуан». Ешь, не мори себя голодом.

Гу Шаобай посмотрел на него с гневом и обидой.

— «Цыплёнка саньхуан» — это твоё любимое блюдо...

Миньюэ засмеялся.

— Мы оба любим его, оба.

Гу Шаобай не ел уже три приёма пищи, включая прошлый вечер. Он не стал церемониться и, сидя на коленях, начал жадно есть куриную ножку.

Миньюэ время от времени вытирал его жирное лицо и рот салфеткой, подавая чай и проявляя заботу. Гу Шаобай посмотрел на него и пробормотал:

— Ладно, съел и съел, не буду с тобой спорить.

Он никогда по-настоящему не сердился на него.

Миньюэ, глядя на Гу Шаобая, сидящего на коленях и жующего курицу, вдруг почувствовал грусть. Он с детства служил Гу Шаобаю и знал его характер. Третий молодой господин был умным и добрым человеком, и его редко наказывали. Видя его худые плечи и тонкую талию, Миньюэ не смог сдержать слёз.

Гу Шаобай услышал всхлипывания и посмотрел на Миньюэ.

— Что с тобой?

Миньюэ вытер слёзы и сказал:

— Молодой господин, вам тяжело...

Гу Шаобай рассмеялся и хотел шлепнуть его по лбу, но руки были в масле. Вместо этого он толкнул его плечом.

— Глупый мальчишка, я не зря тебя любил. Если из-за этого ты плачешь, то всё было не зря.

Шутя, он чувствовал благодарность и тепло в сердце.

С тех пор, как он переродился, любая доброта трогала его до глубины души.

Он хотел отплатить за добро в десять раз больше!

Миньюэ, оглядевшись, тихо сказал:

— Молодой господин, господин Го передал, что семья Князя Юй будет отправлена в ссылку в Линвай через три дня. Что вы думаете?

Услышав это, Гу Шаобай почувствовал тяжесть в груди. Он бросил куриную ножку в корзинку и спросил:

— Который час?

Миньюэ ответил:

— Почти время, молодой господин.

Гу Шаобай попытался встать, но колени так болели, что он снова упал на пол.

Миньюэ, видя его страдания, протянул руку, чтобы помочь, но Гу Шаобай оттолкнул его. Он медленно поднялся, преодолевая боль, и оперся на плечо Миньюэ.

— Пошли, в комнату.

Вернувшись во двор, Гу Шаобай сразу же направился в комнату Фан Цинчи.

Фан Цинчи, увидев его бледное лицо и хромающую походку, подумал, что его избили. Однако, узнав от Миньюэ, что он провёл два часа на коленях, успокоился.

Гу Шаобай отослал Миньюэ и сел на табурет, уставившись на стол. В его глазах была тень размышлений, и он долго молчал.

Фан Цинчи понял, что тот хочет что-то сказать, и терпеливо ждал.

Наконец, через некоторое время, Гу Шаобай поднял голову, и в его глазах появилась решимость.

— Цинчи, мне нужна твоя помощь. Если ты согласишься, я буду в долгу перед тобой и сделаю всё, чтобы отплатить. Если нет, то забудь об этом и никому не говори.

Фан Цинчи сказал:

— Говори.

— Я хочу, чтобы ты помог мне спасти одного человека, — Гу Шаобай посмотрел в окно, где солнце медленно клонилось к закату. — Князь Юй осуждён, и через три дня его семья будет отправлена в ссылку в Линвай. Человек, которого я хочу спасти, — это сын Князя Юй, Му Люнянь.

Он повернулся к Фан Цинчи, его глаза встретились с его спокойным взглядом.

— Люнянь мой друг. Он с детства слаб здоровьем, и этот долгий путь, вероятно, убьёт его...

Голос Гу Шаобая дрогнул.

— Я не могу с этим смириться...

Фан Цинчи подумал лишь мгновение, а затем спокойно сказал:

— Я согласен.

Гу Шаобай был удивлён и обрадован.

— Но мы не знаем, сколько охранников будет сопровождать их и какой путь они выберут...

Фан Цинчи улыбнулся.

— Я узнаю это, не беспокойся.

В этот момент за дверью послышался голос слуги:

— Господин Фан, у ворот стоит гость, говорит, что ваш старший брат, по фамилии Цзи.

Фан Цинчи, который как раз собирался отправиться на поиски информации, обрадовался.

— Как вовремя!

— Пригласите его.

Через мгновение занавеска поднялась, и в комнату вошёл высокий и красивый мужчина. Гу Шаобай был ошеломлён — он был невероятно красив.